

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-68-82

УДК 323; 327; 328; 329; 338

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Время европейских тревог: Евросоюз в меняющейся системе координат

Аннотация. 2019 г. ознаменовал начало нового этапа в истории Евросоюза, конкретные политические и экономические маркеры которого пока не вполне ясны. Радикально меняются также международные связи государств-членов ЕС, происходит перезагрузка региональных и глобальных альянсов. По сути, меняется вся система внутри- и внешнеполитических координат, в которой уже несколько десятилетий существует Европа. Это с очевидностью показали выборы в Европейский парламент. Новому руководству ЕС предстоит искать адекватный ответ на многочисленные экономические, социальные, дипломатические и военные вызовы.

Ключевые слова: Евросоюз, последствия глобального кризиса, выборы в Европарламент, политическая фрагментация, экономические проблемы, геополитика, европейская армия.

Период после кризиса 2008–2009 гг. стал для Европейского союза и входящих в него государств концом эпохи оптимизма — временем трудных испытаний, высоких рисков и опасных вызовов. В рамках этого крупнейшего регионального объединения проявились глубокие финансово-экономические разломы и четкие линии повышенного политического напряжения. После шести с лишним десятилетий строительства Объединенной Европы, претендующей на то, чтобы стать образцом общественного устройства для всего мира, Евросоюз оказался перегруженным сплетенными воедино старыми и новыми проблемами. Их квинтэссенцией является отсутствие прорывных идей и недостаток единой политической воли. В результате экономика ЕС утратила динамику и сдает одну позицию за другой. Материальное положение большинства европейцев либо стагнирует, либо ухудшается. Доверие к традиционным институтам государственной власти на национальном и коммунитарном уровне подорвано — в немалой степени, низкой эффективностью управления и чередой коррупционных скандалов. Всплеск национализма и сепаратизма, концепция «Европы двух скоростей» и свалившийся как снег на голову Brexit угрожают запустить процесс дезинтеграции, деконструкции «европейского дома».

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.

Положение усугубили негативные для Евросоюза международные тренды последних лет: вспышка трансграничного терроризма, повлекшая за собой многочисленные жертвы в самом сердце Европы; беспрецедентное осложнение евроатлантических отношений; государственные перевороты и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вызвавшие огромный наплыв беженцев и мигрантов; глобальное экономическое наступление Китая; инициированные Вашингтоном торговые войны; политико-дипломатическая конфронтация с Россией, наносящая все более ощутимый урон традиционно взаимовыгодным российско-европейским торгово-экономическим связям.

Фрагментация политического поля

Новую политическую реальность Объединенной Европы зафиксировали состоявшиеся 23–26 мая текущего года выборы в Европейский парламент (ЕП), которые (начиная с 1979 г.) стали девятыми по счету прямыми выборами в законодательный орган ЕС. Итогом избирательной кампании явились не только изменения в партийно-политическом составе ЕП, но и сравнительно высокая явка избирателей, переломившая многолетний тренд к снижению интереса граждан стран-членов Евросоюза к работе европейских парламентариев. В этот раз к избирательным урнам пришло около 51% избирателей, что на восемь процентных пунктов превысило результат предыдущих выборов 2014 г. и отразило охватившее миллионы людей настроение беспокойства за будущее Европы [Facts and figures...]. Следует признать, что поводов для такого беспокойства у граждан стран ЕС более чем достаточно.

Главным содержательным результатом парламентских выборов, по итогам которых был избран 751 евродепутат от 28 стран и 190 национальных партий, можно считать заметно возросшую политическую раздробленность нового депутатского корпуса. Две основные фракции Европарламента — «Европейская народная партия» (EPP, правые центристы) и «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (S&D, левые центристы) вместе получили 336 депутатских мест (EPP — 182, S&D — 154), потеряв по сравнению с выборами 2014 г., соответственно, 39 и 37 мандатов. Таким образом, «народники» и социал-демократы утратили абсолютное большинство в ЕП, освободив часть парламентского пространства конкурирующим политическим силам, одни из которых стоят на «роевропейских», а другие — на «евроскептических» позициях [The Political Groups...]. Основными бенефициарами, расширившими свое присутствие в Европарламенте, стали:

- «роевропейская» группа «Обновленная Европа» (Renew Europe), ранее выступавшая под названием «Альянс либералов и демократов за Европу» (ALDE). Она увеличила свое представительство с 67 до 108 депутатов;
- также стоящая на «роевропейской платформе» фракция «Зеленые/Европейский свободный альянс» (Greens/EFA), нарастившая свой депутатский корпус с 50 до 74 парламентариев;
- новая политическая группа «Идентичность и демократия» (ID), сконцентрировавшая максимальное количество депутатов-националистов, придерживающихся «евроскептических» взглядов, — 73 человека. Она собрала под своими знаменами

сторонников Марин Ле Пен (французская партия «Национальное объединение»), Маттео Сальвини (итальянская «Лига») и «Альтернативы для Германии».

Менее удачно выступила на выборах другая преимущественно «евроскептическая» группа «Европейские консерваторы и реформисты» (ECR). Эта фракция лишилась восьми мандатов, сократив свое представительство с 70 до 62 депутатов. Кроме того, ощутимые потери понесла группа «Европейские объединенные левые — Северные зеленые левые» (GUE/NGL): 52 депутата в 2014 г. и 41 — по итогам последних выборов.

Таким образом, подвижки в партийно-политическом составе Европарламента свелись, в первую очередь, к утрате абсолютного большинства группами EPP и S&D, что недвусмысленно указывает на усиление фрагментации в законодательном органе Евросоюза. Обращает на себя внимание и определенная консолидация наиболее решительных националистов — «евроскептиков» в рамках фракции ID. Вместе с тем процесс определения партийно-политической принадлежности евродепутатов еще не завершен. Свою роль сыграют, по крайней мере, два фактора: выход в связи с Brexit из состава парламента 73 представителей Великобритании (их заменят депутаты из других стран) и возможные изменения в настроениях парламентариев, которые не входят ни в одну из фракций (таких на сегодняшний день насчитывается 57) [2019 European election results...].

Тот факт, что в рамках институтов Объединенной Европы усилилась политическая конкуренция, стал своего рода архетипом отношений между лидерами стран Евросоюза. Подтверждением этому явилась острейшая борьба по кандидатурам на очередное (после парламентских выборов) замещение руководящих постов в органах ЕС. Помимо председателя Европарламента (им был избран опытный итальянский законодатель Давид-Мария Сассоли), жаркие споры вызвали кандидатуры председателей Европейской комиссии (ЕК) и Совета Европы, руководителя Европейского центрального банка (ЕЦБ), а также верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности.

Только после напряженных трехдневных переговоров за закрытыми дверями главам государств и правительств членов Евросоюза удалось согласовать список претендентов на указанные ключевые должности. И здесь не обошлось без сюрпризов и неожиданностей, вызвавших неподдельное удивление многих европейских политических экспертов и простых граждан. «Странное обновление руководящих кадров в институтах Европейского союза», — констатировал, например, известный испанский политолог Андрес Ортега [Ortega].

Дело в том, что среди номинантов почти не оказалось тех деятелей, кого изначально выдвигали основные фракции Европарламента по системе так называемого «главного кандидата» (Spitzenkandidat). Например, победителем кулуарной схватки за еэсовский пост № 1 — председателя ЕК — вышла мало известная за пределами своей страны министр обороны Германии Урсула фон дер Ляйен, которая «обошла» таких зубров европейской политики, как немец Манфред Вебер и голландец Франс Тиммерманс. В свою

очередь, Совет Европы после 1 декабря текущего года, когда истекает срок полномочий Дональда Туска, должен возглавить нынешний премьер-министр Бельгии Шарль Мишель, также не имеющий опыта работы в структурах Евросоюза. Похожей неожиданностью явилось и номинирование действующего директора-распорядителя Международного валютного фонда Кристин Лагард на пост председателя ЕЦБ. Критики ее кандидатуры указывали на то обстоятельство, что К. Лагард не знакома «изнутри» с деятельностью европейской банковской системы. Пожалуй, единственным широко известным в Европе деятелем, выдвинутым на одну из главных должностей в органах ЕС — верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности, стал глава испанского МИДа Жосеп Боррель, в 2004–2007 гг. возглавлявший Европарламент [President-elect...].

Разумеется, сам факт достижения соглашений по исключительно важным кадровым вопросам в условиях существующих острых разногласий можно занести в актив лидерам ЕС. Проблема, однако, в том, что в ходе избирательного марафона участвовали в предвыборных дебатах и выдвигали программы деятельности органов Евросоюза на период 2019–2024 гг. (текущий политический цикл) совершенно другие люди, которые в одночасье исчезли из списков основных претендентов на руководство еэсовскими институтами. Будет ли новая команда руководителей в состоянии ответить на стоящие перед Европейским союзом вызовы? На наш взгляд, вопрос остается открытым.

Риски экономического торможения

Одним из главных вызовов для государств-членов Евросоюза в посткризисный период стало ослабление внутреннего хозяйственного драйва, в том числе — замедление роста европейской экономики, которая резко «нажала на тормоз» в 2009 г. и вплоть до сегодняшнего дня по большинству ключевых макроэкономических показателей не вышла на докризисный уровень 2007 г. (табл. 1).

В целом страны Евросоюза «сбросили» темпы прироста ВВП, сократили частное и государственное потребление, снизили инвестиции в основной капитал. Вялый рост демонстрирует производительность труда, но в то же время увеличилась суверенная задолженность, усилившая долговую нагрузку на европейскую экономику. Столкнувшись с затянувшейся стагнацией внутреннего рынка, многие страны ЕС встали на путь интенсивного наращивания экспорта товаров и услуг, что привело, с одной стороны, к существенному повышению этого показателя в объеме ВВП (практически с 38 до 46%), а с другой — к возросшей зависимости от состояния дел в международной экономике и торговле. На фоне перечисленных (и немало количества других) отрицательных и противоречивых индикаторов положительную коннотацию приобрели достигнутый в последние годы профицит бюджета — результат крайне неоднозначной политики «бюджетного аскетизма» (сдерживания и сжатия государственных расходов), а также некоторое снижение общерегионального уровня безработицы. Но при этом в ряде стран безработица, особенно среди молодежи, сохраняется на недопустимо высоком уровне. Давая агрегированную оценку состоянию дел в Евросоюзе, отдельные эксперты (возможно, несколько сгущая краски) характеризуют европейскую экономику как «старую и больную» [Díez].

Таблица 1

**Динамика макроэкономических показателей ЕС-28
(изменение в %, 2018 г. — оценка, 2019 г. — прогноз)**

Показатель	2007	2009	2010	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП	3,1	-4,3	2,1	2,3	2,0	2,4	2,1	1,9
Частное потребление	2,3	-1,4	0,8	2,1	2,4	1,9	1,8	1,9
Государственное потребление	1,8	2,2	0,7	1,4	1,7	1,0	1,2	1,5
Инвестиции в основной капитал	6,2	-11,8	0,0	4,8	3,1	3,1	3,2	2,9
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	23,3	19,8	20,4	20,1	20,4	20,6	20,9	21,1
Экспорт товаров и услуг	6,2	-11,6	10,5	6,2	3,2	5,4	3,4	3,6
Импорт товаров и услуг	6,3	-11,3	9,6	7,1	4,3	4,2	3,2	3,9
Экспорт (% ВВП)	37,9	34,9	38,6	43,8	43,9	45,7	46,3	46,9
Производительность труда	0,9	-2,6	2,9	1,2	0,7	0,8	0,8	1,0
Безработица (уровень в %)	7,2	9,0	9,6	9,4	8,6	7,6	6,9	6,6
Бюджетный результат (% ВВП)	-0,9	-6,6	-6,4	-2,3	-1,7	1,0	0,7	0,8
Государственный долг (% ВВП)	57,5	73,3	79,0	86,0	84,9	83,2	81,4	79,5

Источник: European Commission. Statistical Annex of European Economy. Autumn 2018. P. 81, 197.

Критическое значение имело все более очевидное отставание Евросоюза от общемировых показателей прироста ВВП. В 2010–2019 гг. европейские страны экономически росли медленнее, чем США и большинство других крупных развитых держав, в отдельные годы уступая даже Японии, которая уже два десятилетия не выходит из рецессии (отсюда — расхожий тезис о «японизации» европейской экономики) [Berges, Rojas]. По словам известного испанского эксперта Висенте Ньевеса, сама по себе «японизация» — это еще «не конец света», но для отдельных государств ЕС «она может перерасти в серьезную проблему» [Nieves]. В частности, растущее беспокойство Брюсселя вызывает «топтание на месте» итальянской экономики — третьей по размерам в зоне евро. Помимо низких темпов экономического роста и снижающейся конкурентоспособности итальянских товаров и услуг, все более острой проблемой становится обслуживание суверенного долга Италии, размер которого в 2019 г. превысил 133% ВВП (до кризиса 2008–2009 гг. данный показатель находился на уровне 102–103%) [European Commission. European Economic... p. 194].

Неприятный сюрприз партнерам по ЕС преподнесла Германия, чье ориентированное на экспорт относительно динамичное промышленное развитие резко замедлилось во второй половине 2018 г. (в значительной мере из-за снижения деловой активности на мировых рынках). Помимо этого, дали о себе знать другие узкие места немецкой экономики: стагнация внутреннего потребительского спроса, растущие финансовые проблемы целого ряда ведущих немецких концернов — многолетних символов ее индустриальной мощи (BASF, Bayer, Siemens, ThyssenKrupp, Volkswagen и др.), торможение назревших

структурных реформ (в частности, в банковском секторе) [Five Takeaways...]. Как отмечал известный обозреватель телерадиокомпании «Deutsche Welle» Генрик Боме, «похоже, что лучшие времена для немецкого бизнеса остались в прошлом» [Böhme].

Таким образом, растянувшиеся на десятилетие экономические сложности в отдельных странах-членах ЕС, включая Германию — главный европейский промышленный локомотив, стали причиной низкой динамики общего хозяйственного роста. Причем самый большой разрыв в темпах прироста ВВП наблюдается при сравнении Евросоюза с развивающимися, прежде всего азиатскими, странами во главе с Китаем (табл. 2). Данный тренд сохраняется уже в течение сравнительно длительного времени. В результате, если в 2001 г. на долю 28 стран-членов Европейского союза приходилось свыше 30% мирового ВВП, то в 2018 г. — менее 20% [European Commission. Statistical... p. 17].

Таблица 2

Динамика ВВП (в % к предыдущему году, 2019 г. — оценка)

Регион, страна	2010 –2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мир	3,8	3,4	3,4	3,8	3,6	3,3
Развитые страны	1,6	2,3	1,7	2,4	2,2	1,8
США	2,1	2,9	1,6	2,2	2,9	2,4
Япония	1,6	1,2	0,6	1,9	0,8	0,8
Евросоюз-28	1,1	2,3	2,0	2,5	2,0	1,4
Великобритания	2,0	2,3	1,8	1,8	1,4	1,3
Зона евро	0,8	2,1	2,0	2,4	1,9	1,2
Германия	2,2	1,7	2,2	2,2	1,4	0,5
Франция	1,2	1,1	1,2	2,2	1,6	1,3
Италия	-0,4	0,9	1,1	1,7	0,9	0,1
Испания	-0,9	3,6	3,2	3,0	2,6	2,1
Развивающиеся страны	5,6	4,3	4,6	4,8	4,5	4,4
Азиатские страны	7,4	6,8	6,7	6,6	6,4	6,3

Источник: European Commission. European Economic Forecast. Spring 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. P. 174.

Определенное ослабление традиционно очень сильных позиций государств-членов Евросоюза произошло и в международной торговле. И это несмотря на то, что для многих ведущих европейских стран (Германии, Нидерландов, Бельгии, Великобритании, Дании, Испании, Италии, Франции, Швеции и др.) поставки промышленной и сельскохозяйственной продукции на внешние рынки играют жизненно важную роль, поскольку служат мощным рычагом поддержания национальной деловой активности и диверсификации производства, существенным фактором стимулирования хозяйственного развития.

В 2001–2018 гг. доля государств ЕС в мировом товарном экспорте снизилась с почти 40 до менее чем 33%. Впрочем, это не являлось чем-то исключительным и коррелиро-

вало с сокращением в целом удельного веса развитых держав в глобальной торговле. Например, доля членов Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), в которой главную роль играют США и Канада, за тот же период упала с 18,7 до 13,3% (табл. 3). Однако для европейских государств указанная тенденция была особенно болезненной в силу их крайне высокой (по сравнению с теми же Соединенными Штатами) зависимостью от экспортных поставок. По данным Европейской комиссии, производством товаров для внешних рынков заняты свыше 30 млн жителей стран ЕС (в большинстве своем — высококвалифицированные работники промышленных отраслей). Их рабочие места, материальное благополучие и жизненные перспективы теснейшим образом связаны с состоянием дел в международной торговле [A balanced...].

Глобальное «торговое отступление» государств Евросоюза произошло на фоне (и во многом в результате) сильнейшего экспортного спурта большой группы развивающихся (прежде всего азиатских) стран. Данные таблицы 3 убедительно демонстрируют их высокую внешнеторговую активность. В частности, доля в мировом товарном экспорте десяти членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 2001–2018 гг. возросла с 6,3 до 7,7%, а доля БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) — с 8 до 18,6%. Весьма показательна и сравнительная динамика абсолютных величин экспорта европейских и азиатских стран. Если в указанный период экспорт товаров из Италии и Франции увеличился примерно вдвое, то у Индонезии и Сингапура этот показатель вырос более чем втрое, у Таиланда — в четыре раза, Китая — в 9,4 раза, Вьетнама — почти в 20 раз [Trade map]. Другими словами, Евросоюз сдает позиции как в глобальной производственной сфере, так и на международных рынках.

Таблица 3

Динамика товарного экспорта (млрд долл., доли — в %)

Регион	2001	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Весь мир	6127,5	10340,9	15094,9	16420,1	15898,1	17554,8	19346,6
Евросоюз-28	2426,8	3987,3	5081,2	5247,3	5239,2	5728,1	6307,1
Доля Евросоюза	39,6	38,6	33,7	32,0	33,0	32,6	32,6
НАФТА	1148,5	1475,8	1963,0	2291,1	2215,4	2376,6	2567,3
Доля НАФТА	18,7	14,3	13,0	14,0	13,9	13,5	13,3
БРИКС	494,1	1269,3	2479,8	3153,1	2902,8	3224,4	3600,9
Доля БРИКС	8,0	12,3	16,4	19,2	18,3	18,4	18,6
Китай	266,1	762,0	1577,8	2273,5	2097,6	2263,4	2494,2
Доля Китая	4,3	7,4	10,5	13,9	13,2	12,9	12,9
АСЕАН	383,2	650,7	1051,5	1158,8	1148,0	1320,9	1495,0
Доля АСЕАН	6,3	6,3	7,0	7,1	7,2	7,5	7,7

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

В июле 2019 г. эксперты МВФ обнародовали аналитический доклад о состоянии и перспективах развития 19 стран зоны евро, в котором указали на главные риски

(downside risks) для экономического роста этих ключевых государств Европейского союза. По мнению авторов документа, в посткризисный период члены еврозоны оказались в ловушке ряда негативных факторов, воздействие которых может иметь долговременный характер [Euro Area Policies...]. В их числе:

- постепенная мультипликация отрицательных последствий торговых войн, которые неизбежно нанесут ущерб критически важному экспортному сектору европейской экономики и тем самым ослабят одну из опор посткризисного развития стран ЕС;
- неотвратимое углубление так называемой «демографической ямы» — сокращение прироста (а затем и уменьшение) экономически активной части населения, что объективным образом ограничит увеличение ВВП;
- вероятное сохранение низких темпов роста производительности труда, поскольку после кризисных потрясений и жестких антикризисных мер в большинстве европейских стран наблюдается «усталость от реформ» (reform fatigue), что не позволяет радикально изменить характер производственных отношений;
- неопределенный характер условий выхода Великобритании из Европейского союза. В любом случае возведение торговых и других барьеров между Лондоном и Брюсселем чревато возникновением непредвиденных рисков (cliff-edge risks), в том числе в финансовом секторе, и в перспективе неизбежно ослабит обе стороны экономически, законсервирует их нынешний «анемичный рост».

Оценки и выводы МВФ весьма показательны, поскольку они, по существу, экстраполируют в обозримое будущее те проблемы и узкие места экономики европейских стран, с которыми Евросоюз сталкивается в настоящее время. Ответ на отмеченные вызовы достаточно очевиден на теоретическом уровне, но не вполне понятно, когда наступит момент его практической реализации.

Геополитический кризис

Помимо экономических переломов, в посткризисный период стали очевидными тектонические по своим масштабам геополитические сдвиги, которые неблагоприятно воздействуют на положение Евросоюза на мировой арене, а потому вызывают растущую обеспокоенность в политических кругах и в экспертном сообществе большинства европейских стран. Специалисты-международники высказывают опасение, что Европа находится на пути превращения в «объект» геостратегической конкуренции ключевых глобальных игроков (США и Китая) и рискует «оказаться на заднем ряду мировой политики» [Simon]. В этом плане обычно выделяют две взаимосвязанные проблемы.

Первая — стремление администрации «непредсказуемого президента» Д. Трампа «пересдать» себе главные козыри в евроатлантических отношениях, включая их финансово-экономическую и военно-политическую составляющие. Отсюда — торпедирование Белым домом проекта Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) под сомнительным предлогом его несоответствия интересам США [Яковлев], попытки ограничить европейский экспорт на американский рынок, ультимативное требование свернуть строительство газопровода «Северный поток-2» и ужесточить санкционный режим в отношении России, усилившийся нажим в вопросах

наращивания расходов на оборону, развертывание в странах Восточной Европы американских систем противоракетной обороны, курс на втягивание Евросоюза в очередной виток антикубинской политики, нагнетание напряженности вокруг иранской ядерной программы и т.д. Значительное число европейских политиков и экспертов считают, что «Соединенные Штаты повернулись к Европе спиной», но одновременно своими резкими действиями Вашингтон может вовлечь союзников в опасные международные авантюры [Suanzes].

Вторая болезненная проблема — нарастающая торгово-экономическая экспансия Китая на товарных и финансовых рынках Старого Света, приобретающая все более явное политическое измерение. Примером может служить фактический раскол в рядах стран-членов ЕС по вопросу об участии в китайском проекте «Один пояс, один путь». Соглашение с КНР подписали большинство государств Евросоюза, включая Австрию, Грецию, Италию, Польшу, Португалию, страны Балтии, Венгрию, Румынию, но до настоящего времени к проекту не присоединились другие участники Объединенной Европы, в том числе Германия, Франция, Испания, Ирландия, Дания, Нидерланды, Финляндия, Швеция [Belt and Road Portal]. В Берлине, Париже, Мадриде и других столицах считают, что китайско-европейские отношения носят асимметричный и невыгодный Европе характер, ссылаясь на огромный дефицит в торговле Евросоюза с Китаем, объем которого в 2001–2018 гг. вырос в четыре с лишним раза и превысил 240 млрд евро (табл. 4).

Таблица 4

Торговля ЕС-28 с Китаем (млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2001	30,2	88,7	118,9	-58,5
2005	50,7	176,7	227,4	-126,0
2010	113,1	316,3	429,4	-203,2
2015	168,9	398,3	567,2	-229,4
2016	168,8	400,1	568,9	-231,3
2017	195,1	430,3	625,4	-235,2
2018	207,6	449,5	657,1	-241,9

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Не меньшие опасения, чем торговый дефицит, вызывает у европейцев агрессивная инвестиционная стратегия крупнейших китайских промышленных компаний, стремящихся овладеть наиболее привлекательными европейскими производственными активами, включая высокотехнологичные, и таким образом стать мощным внутренним фактором хозяйственной жизни стран-членов Евросоюза. Например, широкий отрицательный резонанс в Германии получило приобретение в 2016 г. китайской корпорацией «Midea» крупного немецкого производителя робототехники — компании «Kuka», тесно связанной с местным оборонным комплексом [Fanjul]. На этом фоне в руководящих органах ЕС все чаще раздаются голоса, призывающие европейцев «очнуться и взглянуть

правде в глаза», не на словах, а на деле перейти к активной политике регулирования иностранных капиталовложений и таким образом «сдерживать» финансово-экономическое проникновение КНР в Европу. Предпринимаются настойчивые попытки выработать согласованную повестку по этому непростому вопросу [Simon].

Геополитический риск оказаться «зажатым» между США и Китаем и опуститься на международно-политическое дно ставит перед Евросоюзом многообразные задачи, решение которых, по замыслу брюссельской бюрократии, способно спасти положение и укрепить международные позиции Объединенной Европы. При этом, наряду с отмеченными выше мерами торгово-экономического порядка, страны-члены ЕС рассматривают возможности углубления коммунитарного взаимодействия в других сферах, включая создание собственных объединенных вооруженных сил.

Туманное будущее европейской армии

В ноябре 2018 г. президент Франции Эммануэль Макрон в эксклюзивном интервью радиостанции Europe 1 сравнил нынешнее положение в Европе с ситуацией 1930-х годов (последствия финансово-экономического кризиса и рост националистических настроений) и выступил за формирование «настоящей европейской армии», а также создание системы коллективной обороны на европейском континенте. «Мы должны защищаться! От Китая, России и даже от Соединенных Штатов», — драматически заключил французский лидер [Macron pour une...].

Следует подчеркнуть, что оборонная инициатива Э. Макрона родилась не на пустом месте и не является оригинальной. Европейские политики регулярно высказывают предложения о создании независимой от США единой армии Европейского союза. Так, еврокомиссар по вопросам бюджета Гюнтер Эттингер заявлял, что мечтает об армии, «которая сообща несет ответственность за поддержание демократии, прав человека и свободы в Европе и зарубежных миссиях» [Макронпредложил...].

Более того, европейскую армию со времен окончания Второй мировой войны пытались создать неоднократно, но каждый раз возникали непреодолимые преграды и планы менялись. Напомним основные вехи движения за европейскую армию.

1948 г. — «Брюссельский пакт». Этот документ подписали Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды, Франция. Идея — создание оборонительного союза. Учреждение в 1949 г. НАТО ослабило эту инициативу, но окончательно ее не похоронило.

1954 г. — на базе «Брюссельского пакта» в расширенном составе возник «Западноевропейский союз» (ЗЕС): военно-политическое объединение, к которому присоединилась Италия, а после 1990 г. — Испания, Португалия и Греция [Western European Union...]. Это стало первой попыткой создать единые вооруженные силы Европы. Формально ЗЕС просуществовал до 2011 г., но (несмотря на отдельные попытки вдохнуть в него жизнь) так и не вышел из латентного состояния и в конечном счете был заменен структурами Евросоюза.

1987 г. — Франция и Германия приняли решение о создании единой механизированной бригады, которая была развернута в 1989 г. в составе 6 тыс. человек в пограничных районах двух стран.

В 1992 г. на основе бригады был сформирован Еврокорпус — зачаток общих сил Западной Европы. Правда, в него вошли подразделения ограниченного числа государств. Хотя силы корпуса участвовали в миротворческих операциях в Боснии и Косово, а отдельные западные эксперты стали рассматривать данную структуру в качестве «боевого инструмента ЕС и НАТО», на уровень управления Европейского союза Еврокорпус никогда не выводился и действовал в рамках договора стран-участниц [Eurocorps].

1998 г. — Тони Блэр и Жак Ширак подписали «Декларацию Сен-Мало», целью чего было продвижение вперед в выработке Европейской политики безопасности и обороны и формировании вооруженных сил, способных действовать автономно. Декларация послужила отправной точкой для проекта создания «европейского пула военных ресурсов» — военного контингента, подчиненного структурам Европейского союза и потенциально не зависимо от НАТО. Принятие «Декларации Сен-Мало» стало возможным благодаря сдвигу, который произошел в ранее отрицательном отношении британского правительства Т. Блэра к «европейскому оборонному проекту» [Franco-British...].

1999 г. — принятие Единой концепции европейской политики в области безопасности и обороны (ESDP, с 2009 г. — CSDP). В том же году было решено создать в Евросоюзе Единые силы быстрого реагирования в составе до 15 бригад общей численностью 55–60 тыс. человек. По сути, речь шла о формировании не просто совместных вооруженных сил ряда европейских стран, а именно армии Евросоюза.

Итогом этих решений стало развертывание с 2005 г. так называемых «боевых групп ЕС» (Battle Groups) — подразделений быстрого реагирования, заступающих на боевое дежурство в разных странах Европы в случае возникновения чрезвычайной ситуации. «Боевая группа» (их к настоящему времени создано 18) представляет собой усиленный батальон численностью 1,2–2,5 тыс. Военнослужащих [EU Battlegroup].

Нынешняя волна оборонного сотрудничества в Евросоюзе началась после 2014 г. и была связана с обострением отношений с Россией, а также с изменениями в атлантической политике США, особенно после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа.

Ключевым элементом «нового курса» в сфере европейского военного строительства служит так называемое «Постоянное структурированное сотрудничество» («Permanent Structured Cooperation» — PESCO), запущенное в 2017 г. PESCO предполагает формирование внутри ЕС структур, отвечающих за совместную оборонную политику. При этом подчеркивается, что проект не конкурирует с НАТО.

В числе других совместных оборонных инициатив Евросоюза последних лет — Единый фонд обороны (EDF), План оборонных исследований и разработок (EDRP), Общая

программа развития оборонной промышленности (EDIDP). По замыслу, все они должны быть увязаны с PESCO и обеспечивать запуск европейских оборонных проектов.

В 2018 г. девять стран (Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Эстония) поддержали предложение Э. Макрона (сентябрь 2017 г.) о создании европейских сил быстрого реагирования — Европейскую инициативу вмешательства (European Intervention Initiative — EI2). Декларируемая цель EI2 — расширение возможностей стран-участниц совместно осуществлять вооруженные миссии под эгидой НАТО, Евросоюза, ООН или разного рода *ad-hoc* коалиций.

Таким образом, призыв Э. Макрона от ноября 2018 г. явился логичным продолжением усилий европейских государств в военной области. Не случайно заявление французского президента о целесообразности и необходимости создания европейской армии было подхвачено канцлером Германии Ангелой Меркель, привлекло широкое международное внимание, став предметом активного обсуждения в экспертном сообществе и средствах массовой информации.

Интриги добавила резко отрицательная реакция Д. Трампа, который воспринял демарш Э. Макрона как личное оскорбление. В самом деле: европейцы, как подчеркивают в Белом доме, не торопятся увеличивать свои оборонные расходы, участвуя в НАТО, но планируют создавать собственную армию, что неизбежно потребует дополнительного финансирования.

Общим знаменателем экспертных оценок можно считать тезис о том, что реальное формирование собственных объединенных вооруженных сил Евросоюза являет собой практически невыполнимую задачу. Иначе говоря, идея европейской армии в нынешних условиях, в силу многочисленных трудностей национального и коммунитарного характера, не может быть реализована.

Тем не менее, несмотря на известную умозрительность поставленной проблемы, развернувшаяся дискуссия представляет существенный интерес. Она затронула ключевые аспекты политики безопасности ЕС и вышла на широкий круг сюжетов, связанных с переживаемым Евросоюзом турбулентным периодом, который видные европейские деятели определяют как «экзистенциальный кризис» [Molinas, Ramírez Mazarredo].

Главный вопрос, который ставят зарубежные эксперты, — почему идея европейской армии вброшена в информационно-политическое пространство именно сейчас?

По мнению директора Барселонского центра международных отношений (CIDOB) Пола Морильяса, ответ нужно искать в той сложной внутренней и международной обстановке, в которой находится Евросоюз. Макрон и Меркель, отмечает эксперт, хотят «укрыться от растущего евроскептицизма» в тех сферах взаимодействия, где в условиях «дестабилизации европейского проекта» и очевидного «институционального паралича» еще остается «окно возможностей» для развития интеграционных процессов. Лидеры двух крупнейших государств ЕС считают, что европейцы (особенно на фоне

миграционного кризиса и вооруженных действий в непосредственной близости от границ Евросоюза) пока не возражают против углубления сотрудничества в вопросах безопасности, но ситуация на глазах осложняется, и под напором популистов это «окно» может захлопнуться, как и многие другие. Отсюда — отчаянная попытка еврооптимистов сыграть на опережение и активизировать усилия в области совместного оборонного и военного строительства [Morillas].

Другой важный вопрос: о какой армии говорят Макрон и Меркель? Что они конкретно имеют в виду?

Складывается впечатление, что Франция и Германия по-разному видят конкретные задачи европейской армии и пути ее формирования. Для Парижа приоритетом является создание (чем быстрее, тем лучше) сравнительно компактного и управляемого из одного центра европейского корпуса, способного оперативно отомобилизоваться и провести военную операцию быстрого реагирования не только на европейской территории, но и за ее пределами — например, в Африке, где Франция порой вынуждена действовать в одиночку. При этом, похоже, французы, чтобы выиграть время, настаивают на участии в корпусе подразделений всех стран-членов ЕС. Берлин, в свою очередь, считает критически важным создание (возможно, поэтапное) европейской военной структуры с максимально широким составом участников. В Германии понимают, что это — более долгий путь, чем тот, который предлагает Франция, но готовы «играть вдолгую» ради формирования действительно многонациональной армии в рамках Европейского союза.

Разумеется, франко-германские разногласия не носят фундаментального характера, но их наличие затрудняет и без того сложнейшую задачу военного строительства ЕС.

Еще сложнее будет договориться с Вашингтоном, который крайне ревниво относится к планам европейцев, и добиться гармонии в отношениях с НАТО. Напомним, что из 29 государств-членов Североатлантического пакта 22 — участники Евросоюза. Как отмечал директор Института изучения конфликтов Хесус Нуньес Вильяверде, вряд ли всем понравится фактически дублировать усилия и наращивать расходы в сфере обороны в тот момент, когда у многих европейских стран хватает нерешенных социально-экономических задач [Núñez Villaverde].

Все это вместе образует сложную комбинацию трудноразрешимых проблем. В лучшем случае, считает П. Морильяс, «Европа разных скоростей» сможет сформировать «субъевропейские» вооруженные силы с участием ограниченного количества стран [Morillas]. То есть, по оценке экспертов, французский вариант имеет больше шансов на успех. Полон пессимизма вывод, который сделал эксперт «Атлантического совета» Брукс Тигнер: «любые разговоры о создании, даже на протяжении жизни следующего поколения, полноценной единой европейской армии — это все болтовня (jaw-jaw), а не реальные дела» [Tigner].

* * *

2019 г. войдет в историю Европейского союза не только благодаря прошедшим выборам в Европарламент с последовавшей сменой «политического караула» в руководящих органах ЕС. В преддверии третьего десятилетия XXI в. Объединенная Европа вплотную подошла к рубежу, когда безотлагательно необходимо найти ответы на многие судьбоносные вызовы, касающиеся текущего положения и обозримого будущего Евросоюза, выработать и принять внятные решения, способные вывести Евросоюз из зоны повышенных политических, военно-стратегических и торгово-экономических рисков.

В числе таких вызовов беспрецедентно длительная экономическая рецессия и не до конца преодоленные последствия финансового кризиса 2008–2009 гг.; все более очевидная «сдача позиций» в глобальной экономике и торговле; «социальная усталость» населения перед лицом углубляющегося имущественного неравенства; внутривнутриполитическая турбулентность, подогреваемая оживлением левого и правого радикализма; болезненный «развод» с Великобританией и угроза интенсификации сепаратистских тенденций; «фактор Трампа» и выработка новых принципов трансатлантического партнерства; имеющий цивилизационные коннотации миграционный кризис; изматывающая обе стороны «война санкций» с Россией и т.д. Все затянулось в тугую узел проблем, властно требующих скорейшего эффективного решения. Можно сказать, что наступил «момент истины»: Евросоюз должен дать ответ на брошенные ему вызовы, выбрать новую парадигму своего существования, выйти из состояния политической неуверенности.

Литература

- Макрон предложил создать общеевропейскую армию // РИА Новости. 06.11.2018. — URL: ria.ru/20181106/1532176979.html (date of access: 23.07.2019).
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» и зигзаги трансатлантического партнерства // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 2 (10). С. 108–124.
- 2019 European election results. European Parliament // European Parliament. 19.07.2019. — URL: <https://election-results.eu/> (date of access: 23.07.2019).
- A balanced and progressive trade policy to harness globalization // European Commission. — URL: ec.europa.eu/commission/priorities/balanced-and-progressive-trade-policy-harness-globalisation_en (date of access: 23.07.2019).
- Belt and Road Portal. — URL: eng.yidaiyilu.gov.cn/ (date of access: 23.07.2019).
- Berges Á., Rojas F. Europa se 'japoniza' // El País. 04.07.2019.
- Bóhme H. ¿Se termina el éxito económico de Alemania? // América Economía. 18.07.2019. — URL: americaeconomia.com/analisis-opinion/se-termina-el-exito-economico-de-alemania (date of access: 23.07.2019).
- Díez C.J. La UE y Mercosur // El País. 04.07.2019.
- EU Battlegroup. — URL: globalsecurity.org/military/world/europe/eu-battlegroups.htm (date of access: 23.07.2019).
- Euro Area Policies : 2019 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Member Countries // IMF. 11.07.2019. — URL: imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/07/10/Euro-Area-Policies-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-47101 (date of access: 23.07.2019).

- Eurocorps. A Military Tool for Europe and NATO. — URL: ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Eurocorps_A_military_tool_for_EU_and_NATO.pdf (date of access: 23.07.2019).
- European Commission. European Economic Forecast. Spring 2019. Luxembourg. 2019.
- European Commission. Statistical Annex of European Economy. Autumn 2018.
- Facts and figures: the European Parliament's new term // European Parliament. News. 09.07.2019. — URL: europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190705ST056305/facts-and-figures-the-european-parliament-s-new-term (date of access: 23.07.2019).
- Fanjul E.* Inversiones extranjeras: bienvenidas, pero bajo control // Elcano. 12.07.2019. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/inversiones-extranjeras-bienvenidas-pero-bajo-control/ (date of access: 23.07.2019).
- Five Takeaways from Germany's Economic Outlook // IMF News. 10.07.2019. — URL: imf.org/en/News/Articles/2019/07/09/ (date of access: 23.07.2019).
- Franco-British St. Malo Declaration (4 December 1998). Text // CVCE.eu. — URL: cvce.eu/obj/franco_british_st_malo_declaration_4_december_1998-en-f3cd16fb-fc37-4d52-936f-c8e9bc80f24f.html (date of access: 23.07.2019).
- Macron pour une "vraie armée européenne": un projet réalisable? // Europe 1. 06.11.2018. — URL: europe1.fr/politique/macron-pour-une-vraie-armee-europeenne-un-projet-realisable-3794831 (date of access: 23.07.2019).
- Molinas C., Ramírez Mazarredo F.* La crisis existencial de Europa. ¿Es la Unión Europea el problema o la solución? Barcelona. 2017.
- Morillas P.* El espectro del Ejército europeo // El País. Madrid. 21.11.2018.
- Nieves V.* Los cuatro factores que están dejando a la Eurozona sin respiración y podrían 'dormir' su economía durante años // El Economista. 15.07.2019.
- Núñez Villaverde J.A.* Un ejército europeo...para pasado mañana // Elcano. 19.11.2019. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/un-ejercito-europeo-para-pasado-manana/ (date of access: 23.07.2019).
- Ortega A.* Extraña renovación institucional de la UE // Elcano. 16.07.2019. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/extrana-renovacion-institucional-de-la-ue/ (date of access: 23.07.2019).
- The Political Groups of the European Parliament // European Parliament. — URL: europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (date of access: 23.07.2019).
- President-elect Ursula von der Leyen. Towards a new Commission (2019-2024) // European Commission. — URL: ec.europa.eu/commission/interim_en (date of access: 23.07.2019).
- Simon L.* Subject and object: Europe and the emerging great-power competition // Elcano. 30.05.2019. — URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/ (date of access: 23.07.2019).
- Suanzes P.* Un presidente «imprevisible» // El Mundo. Madrid. 15.05.2019.
- Tigner B.* A 'European' Army? Eminently Defensible But Not Probable for a Long Time to Come // Atlantic Council. 13.11.2018. — URL: atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-european-army-eminently-defensible-but-not-probable-for-a-long-time-to-come (date of access: 23.07.2019).
- Trade map. Trade statistics for international business development // ITC. — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (date of access: 23.07.2019).
- Western European Union. Union de l'Europe Occidentale. — URL: weu.int/ (date of access: 23.07.2019).